

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

---

*УЧЕНИЧЕСКИЕ ГОДЫ
ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

Г44

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *П. Полевого*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Гете, Иоганн Вольфганг.

Г44 Ученические годы Вильгельма Мейстера : [роман] / Иоганн Вольфганг Гёте ; [перевод с немецкого П. Полевого]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 864 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184247-5

Зажиточный бюргер Мейстер вложил много сил в воспитание своего сына Вильгельма и надеется, что отпрыск продолжит семейное дело. Но влюбленный в театр и одну очаровательную актрису Вильгельм и не думает становиться коммерсантом — все его грезы лишь о мире искусства. Однако, узнав об измене возлюбленной, молодой Мейстер на три долгих года погружается в изучение коммерции. Но случайное знакомство с труппой бродячих комедиантов заставляет юношу вновь вспомнить о театре...

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-184247-5

© ООО «Издательство АСТ», 2026

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Представление длилось очень долго. Старая Барбара несколько раз подходила к окошку и прислушивалась, не застучит ли экипаж у подъезда. Она ожидала Марьянну, свою красавицу-госпожу, которая в этот день должна была восхищать публику в последней пьесе, где она играла роль молодого офицера. Барбара ожидала на этот раз госпожу свою с гораздо большим нетерпением, нежели прежде, когда она должна была только подать ей весьма умеренный ужин; и немудрено: она готовилась изумить Марьянну неожиданным подарком, который прислал ей по почте Норберг, богатый молодой купец, желая этим доказать, что он и в разлуке помнит о своей милой.

Барбара, как старая слуга, как доверенное лицо, как советница, как посредница во всех связях и отношениях Марьянны, наконец, как ее домоводка, постоянно пользовалась правом распечатывания всех писем и посылок, приходивших на имя Марьянны; в этот вечер она менее, чем когда-либо, могла противостоять любопытству своему, потому что ей очень по сердцу приходилось расположение щедрого поклонника ее госпожи — гораздо более, нежели самой Марьянне. К величайшему удовольствию она и дей-

4 ствительно нашла в посылке кусок кисеи и новомодные ленты для Марьянны, а для себя — кусок ситца, шейные платки и небольшой сверток денег. С каким удовольствием, с какой благодарностью вспомнила она об отсутствовавшем Норберге! Как деятельно и ревностно решила она и Марьянне о нем напомнить, напомнить ей обо всем, чем она ему обязана, и о том, чего он может ожидать и на что надеяться от ее преданности и верности ему!

Кусок кисеи, оживленный ярким цветом полуразвернутых лент, положен был, как рождественский подарок, на столике, свечи были именно так поставлены, чтобы как можно выгоднее осветить присланные обновки, и все было приготовлено к приходу Марьянны, когда старуха услышала ее шаги на лестнице и поспешила ей навстречу. Но каково же было ее изумление, когда госпожа ее в своем офицерском костюме, не обращая внимания на ее приветствия, прошла мимо нее, вошла в комнату, с необыкновенной поспешностью и волнением бросила на стол свою шпагу и шляпу с пером, беспокойно стала ходить взад и вперед и даже не взглянула на торжественно горевшие на столике свечи.

— Что с тобой, голубушка! — воскликнула в изумлении старуха. — Ради самого Господа, скажи ты мне, дружок, что случилось? Посмотри-ка ты сюда, на эти подарки! Ну от кого бы они могли быть, как не от твоего лучшего друга? Норберг посылает тебе кусок кисеи на капот; скоро и сам обещается быть. Мне сдается, что он еще никогда не бывал так щедр и так привязан к тебе.

Старуха было повернулась и хотела уже показать и те подарки, которыми Норберг ее удостоил;

но Марьянна вдруг отвернулась от подарков и вскричала в страстном порыве: 5

— Прочь! прочь! Сегодня я ни о чем этом слышать не хочу. Я тебе повиновалась, когда ты того хотела, и пусть будет так! Когда Норберг вернется, я опять буду принадлежать ему и тебе, и тогда делай со мной что хочешь! Но до тех пор я хочу принадлежать себе, и если бы ты могла говорить не одним языком, а целою тысячей языков, ты все же не отклонила бы меня от моего решения, так как я хочу отдать всю себя тому, кого я сама люблю и кто меня любит. Ты напрасно хмуришься! Я повторяю тебе, что хочу предаться этой страсти — и предаться так, как будто ей суждено длиться вечно.

Старуха принялась опровергать ее и доказывать ей, но так как при дальнейшем разговоре стала горячиться и говорить с особенной горечью, Марьянна бросилась к ней и обняла ее. Старуха громко засмеялась в ответ на эту ласку.

— Я позабочусь, — сказала она, — о том, чтобы вы поскорее опять надели длинное платье, а то еще, пожалуй, и жизнь моя может подвергнуться опасности. Долой это платье, разденьтесь скорей! Я уверена, что вы, снова обратясь в молодую девушку, станете извиняться перед мной за все то горе, которое вы мне причинили теперь, как ветренный офицерик. Долой это платье, и пусть все вместе с ним будет забыто! Оно вам неудобно, к тому же вредно на вас действует, как я замечаю: аксельбанты придают вам много лишнего жара.

И старуха уже наложила было на нее руку, но Марьянна вырвалась.

6 — Не спеши, — сказала она, — я еще жду сегодня гостей к себе.

— Вот уже это-то нехорошо, — возразила старуха. — Кого же вы ждете? Конечно, не того молодого, нежненького, безбородого купеческого сынка?

— Именно его, — ответила Марьянна.

— Кажется, великодушие начинает у вас брать верх над всеми страстями, — насмешливо сказала старуха. — Вы с большим рвением принимаетесь за беззащитных и недостаточных. Ведь должно быть очень приятно, когда нам поклоняются, как бескорыстной.

— Можешь насмеяться, сколько тебе угодно! Я люблю! я люблю его! С каким восторгом произношу я впервые эти слова! Вот она, та страсть, о которой я так часто думала и о которой не имела никакого понятия. Да, я хочу броситься ему на шею! Хочу обнять его так, как если бы я навеки хотела удержать его в своих объятиях! Я хочу показать ему всю мою любовь, хочу вполне насладиться всею его любовью!

— Умерьте себя, — спокойно сказала старуха, — умерьте. Я вашу радость одним словом прекращу: Норберг должен скоро приехать. Недели через две он непременно здесь будет. Вот его письмо, приложенное к подаркам.

— Да если бы даже и раннее утреннее солнце должно было разлучить меня с моим милым, разве я это стала бы скрывать от себя! Две недели — да это ведь целая вечность! Мало ли что может случиться или измениться в течение двух недель!

Вошел Вильгельм. С какой быстротой бросилась она ему навстречу! С каким восторгом обхватил он этот красный мундирчик, прижал

к груди своей белый атласный камзол- 7
чик Марьянны! Кто бы мог решиться все
это описать! Да и кому же удалось бы словами
изобразить блаженство двух любящих! Старуха,
ворча, отошла в сторону. Удалимся и мы вслед за
нею и оставим счастливецв наедине.

ГЛАВА II

Когда Вильгельм на другое утро пришел поздороваться со своей матерью, она объявила ему, что отец очень сердит на него и, вероятно, вскоре воспретит ему ежедневное посещение театра.

— Хотя я и сама иногда очень охотно хожу в театр, — продолжила она, — однако все же часто готова была бы клясть его, так как мое домашнее спокойствие нарушается твоим неумеренным пристрастием к этому удовольствию. Отец твой все только и говорит о том, на что может это пригодиться и как можно так много напрасно тратить времени!

— И я то же самое уже выслушал от него, — ответил Вильгельм, — и, может быть, слишком резко отвечал ему, но ради самого Бога, матушка, подумайте: неужели же все то может быть названо бесполезным, что не доставляет нам непосредственно денег в карман, что не приводит нас быстро к обладанию какими-нибудь благами? Разве нам недостаточно было места в старом доме и непременно понадобилось строить новый? Разве не тратит отец ежегодно значительную часть своего барыша на украшение комнат? Эти шелковые обои, английская мебель — разве они тоже не бесполезны? Разве не могли бы мы

8 обойтись и другими обоями и мебелью, похуже этих? Я, по крайней мере, сознаюсь, что на меня производят просто неприятное впечатление эти полосатые стены, эти сотни цветов, эти расставленные повсюду шкатулочки и фигурки; все это мне как раз напоминает занавес нашего театра. Но только я перед тем занавесом сижу с совершенно иными впечатлениями. Как бы долго ни пришлось перед ним прождать, а все же знаешь, что он наконец-таки поднимется и придется увидеть за ним на сцене самые разнообразные предметы, которые способны нас рассеять, просветить, возвысить.

— Да умей же наслаждаться этим умеренно! — сказала мать. — Ведь и отец тоже ищет рассеянья вечером; притом же он думает, что это тебя отвлекает от дел, и в заключение всего, когда он бывает на тебя сердит, вся вина обрушивается на меня. Сколько раз пришлось мне выслушивать от него упреки за ту проклятую кукольную комедию, которую я двенадцать лет назад подарила вам на Рождество: ведь вы с тех-то пор и пристрастились к театру!

— О, не браните эту кукольную комедию! Не раскаивайтесь в вашей любви и ваших заботах о нас! Ведь то были первые приятные мгновения, какими мне удалось насладиться в новом, пустом нашем доме! Я и теперь еще, кажется, вижу перед собой то время... Помню я, как странно мне это показалось, когда после получения обычных рождественских подарков нам велели сесть перед дверью, которая вела в другую комнату. Дверь отворилась, но не за тем, чтобы только просто отпираться и запирается, как прежде, — она была заставлена чем-то таким, чего мы никак не ожи-

дали: перед глазами нашими за дверью возвышался портал, задернутый таинственным занавесом. Сначала мы все стояли в отдалении, но когда любопытство наше возросло и мы захотели было поближе рассмотреть, что такое блесит и шевелится за полупрозрачным покровом, тогда каждому из нас указали на стульчик и приказали терпеливо выжидать. Все мы уселись и притихли. Звучком рожка подан был условный знак, занавес взвился, и глазам нашим представилась внутренность какого-то храма, размалеванного ярко-красной краской. Первосвященник Самуил явился на сцене с Ионафаном, и их попеременные, странные голоса возбуждали во мне особенное уважение к ним. Вскоре после того на сцену выступил Саул, смущенный наглостью того воина неприятельской армии, который явился вызывать на бой его и всех его соратников. И как мне стало весело, когда маленький сын Иессея выскочил из-за кулис со своим пастушьим посохом, пращой и сумой и сказал: «Великий государь! Пусть никто не смущается этим вызовом! Если вашему величеству угодно будет мне позволить, то я пойду и вступлю в бой с этим великаном». Этим заканчивался первый акт, и зрителям очень хотелось знать, что будет далее; каждому хотелось, чтобы музыка поскорее смолкла. Наконец занавес опять поднялся. Действие открылось тем, что Давид обещал тело чудовищного противника своего бросить на съедение зверям земным и птицам небесным; филистимлянин издевался над ним, долго и много топал ногами, наконец повалился, как чурбан, и много способствовал этим благоприятному исходу дела. Когда же после того девы за-

10 пели: «Саул побил тысячи, а Давид — тьмы!», когда громадную голову великана понесли с торжеством перед маленьким его победителем, когда за него выдали замуж прекрасную царскую дочь, я все же ужасно стал досадовать на то, что при всем своем счастье и удаче этот удалец так походил на карлика: громадность Голиафа и малорослость Давида были, конечно, преувеличены и доведены на сцене кукольной комедии до крайности. Но скажите же, пожалуйста, куда девались эти куклы? Я обещал показать их одному моему приятелю, который еще недавно с большим удовольствием слушал мои рассказы об этой нашей детской забаве.

— Меня нисколько не удивляет то, что ты так живо все это помнишь: ты и тогда тотчас же принял в этой игре самое горячее участие. Помню я, как ты у меня выманил книжку, по которой наизусть выучил всю пьесу. Я только тогда это уже заметила, когда ты однажды вечером слепил себе Голиафа и Давида из воска, заставил их между собой разглагольствовать, потом ударил великана и безобразную голову его насадил на большую булавку с вошеной головкой, которую и прилепил к руке Давида. Мое материнское сердце невольно радовалось тогда тому, что у тебя такая хорошая память, что ты тоже умеешь говорить с таким выражением, и я тогда же решила сама передать тебе всю труппу деревянных кукол. Я тогда и не думала о том, что мне это принесет столько горя!

— Не сожалейте об этом! — отвечал ей Вильгельм. — Ведь эти игры принесли нам тогда так много удовольствия.

И он себе выпросил у матери ключи, 11
поспешно удалился из комнаты, отыскал
кукол и на мгновение перенесся в те годы, когда
представлял их живыми, когда воображал себе,
что оживляет их живостью своего голоса, движе-
нием рук своих. И он унес их к себе в комнату
и тщательно спрятал.

ГЛАВА III

Если первая любовь, как вообще утверждают, представляет собою прекраснейшее из всего того, что сердце когда-либо способно испытать, то мы, конечно, должны считать героя нашего тройне счастливым, так как ему суждено было вполне и всецело насладиться блаженством этих единственных мгновений. Лишь очень немногим выпадает на долю такое счастье, а по большей части нашим первым впечатлениям приходится пройти такую тяжелую школу, которая, не дав нам ничем насладиться вполне, вынуждает нас отказаться от наших лучших стремлений и навсегда научиться лишать себя того, что сначала являлось нам верхом счастья.

На крыльях воображения вознесся Вильгельм в своем пламенном стремлении к очаровательной девушке. После непродолжительного знакомства с нею он заслужил ее расположение, он достиг обладания той особой, которую не только очень любил, но и уважал. Она явилась ему впервые среди благоприятной обстановки театрального представления, и его страсть к сцене слилась в нем с чувством первой любви к женщине. Юность его давала ему возможность испытать

12 многие радости, и чувство наслаждения поддерживалось, развивалось в нем живым поэтическим даром. Самое положение его возлюбленной придавало ее обращению с ним такое настроение, которое значительно способствовало развитию его впечатлительности; опасение, что ее возлюбленный может легко узнать о ее прежних связях, придавало ее отношению к нему милый оттенок стыдливости и какой-то озабоченности; сильна была в ней страсть к нему, самое беспокойство, казалось, еще быстрее увеличивало нежность ее — и она была в его объятиях прелестнейшим существом.

Когда он успел очнуться от первых опьяняющих порывов восторга и оглянулся на свою прежнюю жизнь, все представилось ему в ином, новом виде: обязанности явились ему более священными, чем прежде, склонности его высказались резче и живее, знания его обозначились явственнее, таланты сказались в нем сильнее, и в намерениях явилось более решительности. Вот почему ему нетрудно было так распределить свое время, что и упреков отца он мог избежать, и мать свою успокоить, и любовью Марьянны наслаждаться совершенно спокойно. Он очень аккуратно и прилежно стал заниматься поутру своими делами, перестал бывать в театре, был вечером весел и разговорчив за ужином, а когда все, бывало, улягутся, он закутывался в свой плащ, тихонько уходил в сад и неудержимо стремился к своей возлюбленной, неся в груди своей всех Линдоров и Леандров*.

---

* Линдор и Леандр — имена, дававшиеся почти исключительно героям романов в то время.

— Что это вы принесли с собой? — 13

спросила Марьянна, когда он однажды вечером вынул из-под своего плаща какой-то узел, на который старуха, в ожидании приятных приношений, посмотрела очень внимательно.

— Не угадаете, — ответил Вильгельм, и как же изумилась Марьянна, в какое негодование пришла Барбара, когда из развязанной салфетки выложил он целую кучу кукол средней величины!

Марьянна стала громко смеяться, когда Вильгельм принялся распутывать перемешанные проволоки и стал ей показывать каждую фигуру отдельно. Старуха с досадой отошла в сторону.

Не много нужно, чтобы доставить развлечение двоим влюбленным — и так друзья наши прозанимались тот вечер самым лучшим образом. Маленькая труппа была пересмотрена, каждая фигура рассмотрена в отдельности, и каждая послужила поводом к шуткам и смеху. Особенно не понравился Марьянне царь Саул, в черном бархатном плаще и с золотой короной на голове. Она говорила, что он кажется ей слишком напыщенным, слишком педантичным. Зато ей понравился Ионафан, со своим гладким подбородком, своей изжелта-красной одеждой и чалмой. Его сумела она и заставить вертеться на проволоке, и кланяться и даже изъяснялась за него в любви. Напротив того, на пророка Самуила не обратила она ни малейшего внимания, хотя Вильгельм и старался ей расхвалить его нагрудник и рассказывал при этом даже, что двучинное тафтяное его полукафтанье выкроено было из старого платья его бабушки. Давид показался Марьянне слишком мал, а Голиаф слишком велик. Она осталась при своем Ионафане. Она так хорошо умела

14 с ним управиться и под конец перенести свои ласки с куклы на нашего друга, что и на этот раз игра и шутки только предшествовали блаженству.

Шум на улице заставил их очнуться от того сладкого усыпления, позабыть о тех нежных грезах, которым они предались. Марьянна кликнула старуху, которая, по своему обыкновению, занята была пересмотром театрального гардероба своей госпожи и старалась кое-что из старого переделать в применении к костюму следующей пьесы. Старуха сообщила, что из соседнего итальянского погреба только что вышла веселая компания, которая лакомилась там привезенными свежими устрицами, щедро поливая их шампанским.

— Как жаль, — сказала Марьянна, — что нам это прежде в голову не пришло. Мы бы тоже могли себе оттуда достать чего-нибудь.

— Ну, время еще не ушло, — ответил ей Вильгельм и подал старухе луидор. — Вот если она добудет нам того, чего нам хочется, так мы с нею и поделимся своим ужином.

Старуха распорядилась очень проворно и спустя очень немного времени перед влюбленными стоял красиво накрытый стол с весьма недурным ужином. Старуху тоже заставили сесть за стол; все пили, ели и чувствовали себя очень хорошо.

В подобных случаях обыкновенно не бывает недостатка в разговорах. Марьянне опять пришлось толковать о своем Ионафане, а старуха очень ловко сумела навести разговор на любимую тему Вильгельма.

— Вы, — сказала она, — как-то раз уже рассказывали нам о первой какой-то кукольной

комедии на Рождество. Тогда показался 15
мне ваш рассказ чем-то очень веселым,
и вы прервали его именно на том, что должен
был начаться балет. А вот теперь мы, кстати,
и ознакомились с теми действующими лицами,
которые все это производили.

— Да-да, — заметила Марьянна, — расска-
жи-ка нам, что было далее.

— Ах, как это бывает приятно, милая Марь-
янна, — ответил Вильгельм, — когда мы вспоми-
наем о прошлом, о наших прошедших невинных
заблуждениях, особенно когда это случается
с нами в такие минуты, когда мы счастливо успе-
ли достигнуть известной высоты, с которой мо-
жем оглянуться назад и обозреть пройденный
нами путь. Да, приятно с самодовольством вспо-
минать о некоторых препятствиях, к которым мы
часто и с таким болезненным чувством относи-
лись как к непреодолимым, и, вспоминая это,
сравнивать себя в настоящем, вполне развив-
шихся, с тем, что были мы прежде, не вполне
развившимися. Но я считаю себя особенно счаст-
ливым именно теперь, когда могу с тобою гово-
рить о своем прошлом, и потому именно, что
я в то же время могу заглянуть и вперед, в то оча-
ровательное будущее, которое мы можем пройти
с тобою рука об руку.

— Ну, так как же был тот балет устроен? —
перебила его старуха. — Я думаю, не все так со-
шло в нем, как бы следовало.

— О нет, — возразил Вильгельм, — все шло
очень хорошо! На всю жизнь сохранилось у меня
темное воспоминание об этих дивных прыжках
мавров и мавританок, пастухов и пастушек, кар-
ликов и карлиц. Вслед за тем занавес опустился,